

18+

Андрей Ветер

ГЕНИЙ АТАКИ

Андрей Ветер
Гений атаки. Сценарий

«Издательские решения»

Ветер А.

Гений атаки. Сценарий / А. Ветер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531027-9

Грубят бездарность, трусость, зависть, а гений всё же ускользает, идя вперёд на штурм ворот. Что ж, грубиян сыграл и канет, а гений и тогда играет, когда играть перестаёт. И снова вверх взлетают шапки, Следя полёт мяча и шайбы, как бы полёт иных миров, и вечно — русский, самородный, на поле памяти народной играет Всеволод Бобров. (Евгений Евтушенко) Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-531027-9

© Ветер А.
© Издательские решения

Содержание

Бобёр – гений атаки	6
БОБЁР	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Гений атаки Сценарий

Андрей Ветер

© Андрей Ветер, 2025

ISBN 978-5-0053-1027-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бобёр – гений атаки

Впервые я услышал о Всеволоде Боброве от Алимжана Тохтахунова. Будучи далёк от футбольного мира, я не проявил поначалу заинтересованности, когда Алимжан заговорил о Боброве. Гремевшее некогда на весь Советский Союз имя легендарного спортсмена ничего не значило для меня. Алимжан повстречался с ним в конце 1967 года, когда приехал в Москву с Берадором Абдураимовым, которого Бобров позвал к себе в ЦСКА. Алимжан в то время был футболистом «Пахтакора». Посмотрев на игру Алимжана, Бобров пригласил его на тренировки ЦСКА. Алимжан рассказывал мне о Боброве снова и снова, и внезапно передо мной раскрылась удивительная личность человека по прозвищу Бобёр. Во мне родился подлинный интерес, и я, никогда не увлекавшийся ни футболом, ни хоккеем, вдруг увлечённо погрузился в поиски материала. Когда я впервые позвонил Елене Николаевне Бобровой (вдове Всеволода Михайловича), меня настолько переполняли чувства, что я не сразу нашёлся, о чём спрашивать её – столь велико было впечатление от образа этого удивительного человека. Кажется, я ошеломил её бурным потоком моих впечатлений, и Елена Николаевна спросила удивлённо: «Андрей, сколько вам лет?» Она решила, что я – юнец, потому что редко взрослый человек бывает так сильно потрясён фактами чужой жизни. А я был потрясён.

Именно поэтому мне понравилась идея Алимжана Тохтахунова написать сценарий фильма о Боброве. Он был человек необыкновенного обаяния, в него влюблялись все женщины и не просто влюблялись, а «вешались» ему на шею. На вопрос: «Бобров действительно был настолько неотразим?» Елена Николаевна ответила: «Потеряла же я голову! Это у нас было обоюдное. В один день я неожиданно уехала из Киева, а я была замужем. Мама долго не могли смириться с тем, что я бросила мужа. А потом мама Севу полюбила больше жизни... Он был неповторим – как в духовном смысле, так и внешне... Бобров одевался роскошно: красивые рубашки, море галстуков, платочек в карман обязательно, самые лучшие ботинки, а вот джинсов никогда не носил, не любил...»

Всеволод Михайлович Бобров – интереснейшая личность, во многом уникальная. История его жизни (1.12.1922—1.07.1979) рассказывается на фоне истории Советского Союза и развития советского спорта, начиная с предвоенных лет и заканчивая внезапной смертью великого спортсмена.

Сценарий наполнен поразительными историческими фактами, которые очень кинематографичны. Например, футбольный матч 1947 года в Сталинграде, в котором принимал участие Бобров. Радиорепортаж вёлся по линиям правительственной связи. На московском стадионе «Динамо» собрались тысячи болельщиков. Стадион пуст, а трибуны переполнены, и все жадно смотрят на футбольное поле, словно игра разворачивается на их глазах, и слушают репортаж из Сталинграда! Или первая игра команды «Динамо» в Лондоне, когда туман не позволял ничего различать и даже комментатор Синявский бегал вдоль кромки поля, чтобы видеть хоть что-то. И наша команда выиграла у английского «Арсенала», хотя все предсказывали ей позорный разгром! И вся игра в тумане! Разве не великолепный материал для художественного решения фильма?

А чего стоит сцена, когда Бобров, будучи тренером «Спартака» показывал команде, как надо работать клюшкой! Он наглухо закрыл ворота фанерой, оставив только двухсантиметровый зазор возле штанги. Затем он отъехал к синей линии и скомандовал: «Набрасывай» и с ходу бросал шайбы, которые, не коснувшись фанеры, влетали в ворота! Ребром! Вот его мастерство.

Есть много забавных эпизодов, связанных с популярностью Боброва. Например, однажды он пришёл в Большой театр на оперу, и после антракта его спутница не увидела его в зале. Она заметила, что убавилось и количество зрителей. Тогда она вышла в фойе и обнаружила

там Боброва в окружении толпы фанатов. Они разговаривали, шутили, он раздавал автографы, и все они забыли про оперу. Бобров для них был важнее!

«Бобёр» – фильм-мозаика, фильм-фантазия, фильм-воспоминание. Он должен состоять из сцен и картин, которые иногда не сочетаются одна с другой по ритму, одна может быть значительно длиннее другой. Я предполагаю, что более «крупные» (подробные) сцены должны «обрастать» более мелкими (в некотором смысле это массивный ствол дерева, от которого отходят постепенно утончающиеся ветви, обсыпанные листвой, но мне больше импонирует образ мозаики, позволяющий использовать принцип клиповости – центральная картина, от которой в стороны рассыпаются мелкие фрагменты, осколки, капли).

Подробности матчей в данном сценарии не проработаны, отмечены только некоторые ключевые эпизоды. Режиссёр-постановщик должен сам решить, какие именно моменты игры брать для фильма и как вообще показывать игру на экране, короткими кадрами или длинными, снятыми на рапиде трюками.

В фильме много бытовых сцен, связанных со спортивной жизнью, и много любовных сцен, ибо Всеволод Бобров был знаменит также своими амурными похождениями, и много кинохроники.

Одним из важнейших решений фильма должны быть вставки «интервью», снятые подчёркнуто неаккуратно, с явными шумами, потёртостями киноплёнки, возможно, с грубым освещением иногда, начинающиеся с «хлопушки» в кадре форматом 3:4. Эти «интервью» будут выполнять миссию комментариев и, может быть, частично закадрового текста, с которым будут (при необходимости) совмещаться настоящие хроникальные кадры. На «интервью» возлагается также роль полемическая, когда возникают исторически спорные вопросы – как было на самом деле (например, убежал ли Всеволод Бобров от своей любовницы, когда её муж-маршал вернулся внезапно домой, стрелял ли маршал в него из пистолета или это всё домыслы; или история с разбившемся самолётом: проспал ли Бобров свой рейс или был вызван в это время к начальству, и это спасло его от катастрофы. Спорных ситуаций и сплетен много).

Все участники «интервью» – актёры, некоторые из которых появляются по ходу фильма много раз, а некоторые заняты только в кадрах интервью. Всеволод Бобров появляется в «интервью» только взрослый, даже если речь идёт о его детстве.

Есть много того, что никогда не попадало на киноплёнку, не стало кинохроникой, поэтому эти моменты было бы интересно сделать «под хронику» или «под любительскую киносъёмку». Например, Бобров в гостях у Владимира Высоцкого или Бобров в компании с актёром Николаем Рыбниковым, с которым он очень дружил и которому помогал в работе над фильмом «Хоккеисты». Такие «любительские» кадры было бы хорошо сделать добавлением к некоторым большим сценам.

Ещё одним из важных элементов фильма должны стать кадры известного советского киножурнала «Новости дня», который демонстрировался перед каждым киносеансом. «Новости дня» рассказывали о важнейших событиях в жизни страны, в том числе и спортивных. Кадры этого киножурнала должны добавить краски в общую мозаику фильма.

Андрей Ветер (Нефёдов)

БОБЁР

1932, Сестрорецк. Зима. Хмурое низкое небо. Всё в серых тонах.

Четыре мальчика бегут к застывшему водоёму, в руках у них самодельные клюшки. Один из мальчиков – Сева Бобров, ему 10 лет. Второй мальчик – его брат Володя, ему 12 лет. Два других – братья Томилины.

Мальчики садятся на берегу, привязывают к валенкам лезвия коньков и выбегают на лёд, бросают мяч для игры в хоккей. Имя катится катится по льду.

За кадром звучит голос Александра Никитина:

«Всеволода Боброва я знаю с детства, мы в детстве всегда были вместе. На моих глазах он вырос, матерел и в конце концов превратился в одного из самых известных людей советского спорта. Я никогда не выпускал его из поля зрения, почти всю жизнь был рядом, за исключением страшных военных лет... Я расскажу обо всём, чему лично был свидетелем, или что рассказывал мне сам Всеволод. А если в чём-то я буду не достаточно точен, другие меня поправят...»

Мальчики на льду. Лёд трещит. Все четверо проваливаются в воду. От полыньи поднимается густой пар. Владимир Бобров первым выбирается из воды. Он бросает шарф Севе, тот цепляется, но выбраться не может, лёд ломается снова и снова.

На берегу появляются взрослые люди, спешат к воде, кто-то несёт лестницу, укладывают её на лёд, по ней подбираются к пролому. Володя помогает вытащить Севу, который уже потерял сознание. Томилиных тоже вытаскивают. Они не дышат. Их пытаются откачать на берегу. Женщины поднимают ужасный вой, рыдают над бездыханными телами.

Сева Бобров внезапно начинает кашлять, из него выливается вода. Он смотрит в небо невидящими глазами. Он видит небо, похожее на воду, и вода превращается в лёд.

Интервью. Хлопушка. Александр Никитин, журналист: «Есть люди, которых неотступно преследует злой рок, какие-то силы постоянно пытаются сломать человека... Судьба была Севку Боброва с ранних лет, лупила нещадно, калечила, но оставляла жить. Она будто пыталась запугать его, проверяла на прочность, но не ломала, не позволяла сломаться. Ему едва исполнилось десять лет, когда он утонул с теми мальчишками. Его откачали... Только его одного...»

Интервью. Хлопушка. Всеволод Бобров: «Я ничего не помню о том дне... Говорят, наш плавильный завод сливал горячую воду в пруд, поэтому лёд был слабый. Не знаю... Мы провалились. Мне кажется, в памяти осталось что-то чёрное и тяжёлое... И всё... А потом – лица отца и матери, испуганные, беспомощные... И мне стало страшно из-за этих лиц. С тех пор меня пугает больше всего страх за других людей. Чужая боль, чужая беспомощность – вот что ужасает меня, вот когда хочется отдать свою жизнь без остатка и тем самым стать полезным... А страх за собственную жизнь бесполезен, да и чего стоит жизнь, если трястись из-за неё?.. Когда пытаюсь вспомнить тот день, мне кажется, что меня душило какое-то страшное существо, трепало меня в воде, словно тряпку, а у меня не было сил... Это, конечно, никакие не воспоминания, а так, чепуха из дурного сна... Вовку, брата моего, ругали, ведь он старше меня, на два года старше. Ругали, что недосмотрел... Но ведь это он вытащил меня, спас...»

Кладбище. Два гроба с открытыми крышками. В гробах лежат мёртвые мальчики Томилины. Женщины рыдают. Мужчины стоят молча, успокаивают женщин. Сева Бобров и Володя Бобров стоят вместе со всеми, на их лицах скорбь и недоумение. Гробы закрываются, стучат молотки. Камера наезжает на лицо Севы. Сквозь это детское лицо проступают черты взрослого Всеволода Боброва. В этом лице должны появиться лица всех актёров, которые играют Боброва в разных возрастах: ребёнок, подросток, юноша, взрослый мужчина (все ипостаси этого персонажа).

Интервью. Хлопушка. Борис Аркадьев, тренер: «Всеволод был гений. Я был влюблён в него, как институтка. Совершенная человеческая конструкция. Идеал двигательных навыков. Чудо мышечной координации. Он не думал, не знал, почему надо действовать так, а не иначе. То было наитие. Поистине Всеволод всем владел. Ему не было равных не только в футболе и хоккее. Он впервые взял в руку ракетку для пинг-понга и в тот же час ему не стало равных в пинг-понге».

Взрослый Всеволод Бобров бьёт по мячу. Слышится рёв стадиона.

Интервью. Хлопушка. Николай Эпштейн, тренер: «Друзья звали его просто „Бобёр“. Вообще все называли его так. Это имя было присвоено ему трибунами, огромной массой людей. Ещё его звали „Курносый“, но, правда, только за глаза. Это было, если можно так сказать, нежное прозвище».

Ноги футболистов, мяч, звонкие удары. Всеволод Бобров падает кубарем, хватается за колено. Стискивает зубы, поднимается.

Интервью. Хлопушка. Александр Никитин, журналист: «Бобров жил в спорте, как птица в воздухе. Да и не только в спорте, а во всём, что касалось движения тела. Он был точен и решителен, и он, как бы это сказать, обладал необъяснимой способностью черпать силу из какого-то неведомого источника. Ему больно, а он не только не останавливается, но словно делается крепче. Другой упал бы, а он наоборот – поднимается. На него объявили охоту, как только поняли, насколько он хорошо играет. Охотились, чтобы выбить из строя».

Бобров бьёт по мячу. Мяч летит в ворота, проходит точно между перчатками вратаря и ударяется в сетку.

Интервью. Всеволод Бобров: «Наверное, я что-то придумал, но мне кажется, что после того случая, когда я утонул, во мне что-то изменилось... Будто какая-то неведомая сила вселилась в меня. Во мне пробудилось удивительное качество: я стал словно неуязвим и неуловим, беспрепятственно обходил всех во время игры. Мчался так, словно кто-то указывал мне путь... Правда, не всегда это происходило. Поначалу только время от времени, затем чаще. Кто-то вёл меня по полю, и я не мог объяснить, как мне удавалось прорваться и забить мяч...»

1934. Сестрорецк. Яркое солнце. Здесь необходимо отметить, что все детские и подростковые сцены (кроме первой – тонушие дети и кладбище) должны быть солнечные, яркие, весёлые, полные красок, потому что жизнь, несмотря на бедность, кажется детям увлекательной и радостной. Яркость уходит с военным временем.

Ноги дворовых мальчишек гоняют мяч. Идёт ожесточённая игра в футбол.

Сева Бобров заметно меньше остальных, но он юркий и стремительный, перехватывает мяч, неуловимо носится между игроками. Владимир Бобров постоянно подбадривает брата: «Молодец, Севка! Давай, жми!»

Игра заканчивается победой их команды. Противники ругаются между собой, толкают друг друга в грудь, страсти накаляются. Долговязый парень по кличке Индюк хватается Севу за ворот рубахи: «Ты, шкет поганый! Чтоб я тебя больше не видел на поле! Усёк?»

Сева: «Чего это?»

Индюк: «Путаешься под ногами, игру мне ломаешь».

Сева: «Не умеешь – не играй!»

Индюк: «Чё ты вякнул? А ну... Это кто не умеет?»

Индюк бьёт Севу с такой силой, что Бобров падает навзничь. Вокруг них немедленно собираются другие ребята, отталкивают друг друга: кто-то пинает Севу, кто-то – Индюка. Сева изворачивается, хватается Индюка за штанину, рывком валит его на землю. Начинается драка, но силы неравные, Индюк подминает Боброва под себя. Сева пытается работать кулаками, молотит Индюка по лицу. Тот свирепеет. Подбегает Володя Бобров, оттаскивает Индюка. Приятель Индюка хватается с земли доску, размахивается и ударяет Севу по голове. Удар приходится в лоб. Из доски торчит гвоздь. Кровь заливает лицо Севы. Он падает.

Володя Бобров: «Севка!» бросается к брату. Тот открывает глаза: «Вовка... Я нормально».

Володя Бобров коршуном летит на Индюка и точным ударом бьёт его в лицо. Тот падает, хватается за сломанный нос руками. Кто-то из друзей Индюка суёт ему в руку финку, Индюк медленно поднимается, пряча оружие за спиной: «Ты щас схлопочешь, фраер гнилой...» и медленно приближается к Володе, слегка согнувшись. Его поза выдаёт в нём страх и коварство. Индюк делает выпад и наносит удар финкой. Володя громко охает, бросается на Индюка, тот ударяет ещё раз, Володя оседает, впившись в рану ладонями. Сгрудившиеся подростки отбегают от Индюка и Володи. Сева с ужасом смотрит на финку в руке Индюка.

Раздается милицейский свисток. К дерущимся подросткам бегут дворник и милиционер. Парень с финкой пытается бежать, но кто-то бросается ему под ноги, и хулиган падает. Дворник прибегает на место происшествия первым и всем телом придавливает Индюка к земле: «Ах ты тварь! Шпана грязная!»

Следом поспевают милиционер, выворачивает руки Индюка.

Индюк: «Ой, больно, дяденька! Ой, больно! Отпусти!»

Дворник: «Как же! Отпущу я! Отец твой разбойничал, и ты по той же дорожке...»

Милиционер перетягивает ремнём руки Индюку за спиной.

Сева на коленях возле Володи. Над ними склоняется дворник: «Как ты? Сильно пырнул?»

Володя шепчет: «Не знаю».

Сева: «Вовка, ты что? Не умирай».

Володя (задыхаясь): «Ты сам не умирай. Вон крови сколько».

Интервью. Всеволод Бобров. Трогает лоб, вспоминая далёкую драку во дворе: «После того случая, когда я чуть не утонул, Вовка старался оберегать меня. Приглядывал за мной как мог... И в той драке он испугался, что мне голову раскрыли. Рана пустяковая, но крови много было. Гвоздь в тоске торчал... Шрам остался, но крохотный, ерунда... А вот Вовку полоснули серьёзно. Он загремел в больницу...»

Больничная многоместная палата. В кровати лежит Володя. Возле него родители, Сева и его сестра Тоня. У Севы забинтована голова.

Михаил Бобров, отец Севы (бодро): «Что, Вовка, надёжно тебя заштопали? Сможешь гонять мяч?»

Володя Бобров: «Смогу. Куда я без футбола? Хоть сейчас готов».

Мать: «Вот я всыплю тебе по первое число, будешь знать. Ишь ты – хоть сейчас он готов».

Володя: «А что?»

Отец: «Ладно, мать, ты не ругайся. Вовка наш – молодец. Почти герой».

Сева: «Почему почти? Мне голову могли раскрыть... насмерть, если бы не он».

Мать: «Ну, герой, герой. Никаких „почти“. А ты больше не суйся к той шпане, тогда и беды не наживёшь».

Сева: «Я не совался. Мы играли в футбол. Они продули, вот и разозлились».

Отец: «Вы с этой напастью ещё не раз столкнётесь...»

Володя: «С какой напастью?»

Отец: «С завистью человеческой. С подлостью. С грязью... Главное держитесь вместе, стойте друг за друга горой».

Больница. Центральный вход.

Из дверей выходит Володя Бобров, его встречают несколько человек: отец, мать, сестра, Сева Бобров и его друзья – Олег Белаковский и Саша Никитин.

Отец (Михаил Бобров) держит в руках фотоаппарат: «Так друзья-приятели, встаньте-ка вместе, поплотнее. Будем фотографию делать. Сначала все вместе, а после только наших спортсменов... Дайте только приноровиться, дело для меня новое, непривычное»...

Фотография. Володя Бобров, Сева Бобров, Тоня Боброва, Саша Никитин, Олег Белаковский. Эта фотография появится ещё несколько раз в фильме, напоминая об ушедшем безвозвратно детстве.

Интервью: Олег Белаковский, врач: «Для детей время всегда счастливое, если нет войны и голода... Мы гоняли мяч, и нас наполняла неопишуемая радость... В те годы мы были, как говорится, не разлей вода. Кто бы мог подумать, что нагрянет война, и нашу дружную компанию разметает по свету... и что встретимся мы только после войны, после разгрома Германии... Жизнь непредсказуема».

Зима. Во дворе дома залит каток. Мальчики сидят на низеньких лавках и прикручивают шпагатом к валенкам «снегурки», затем с восторгом бегут по льду, юрко скользя между взрослыми.

Сева: «Мама сказала, что будет пирожными награждать нас. За каждый гол – пирожное!»

Сашка Никитин: «Ну, я теперь столько мячей загоню в ворота! Алька, слышал?»

Олег Белаковский: «Что?»

Сашка Никитин: «После игры бежим к Бобровым пирожные трескать».

Олег Белаковский: «Какие пирожные?»

Сева: «Запечённое тесто с сахаром. Вкуснятина. За каждый гол – пирожное».

Олег: «Ого! Стимул!»

Сева: «Что?»

Олег: «Стимул».

Сева: «Не понимаю. Что это?»

Олег смеётся: «Это когда есть ради чего».

Сева: «А просто так? За интерес? Игра же, Алька! Стимул, говоришь? Так игра и есть тот самый стимул»...

1935. Сестрорецк. Школа.

Дети сидят за партами. В класс входит учительница литературы, Наталия Васильевна, дети дружно встают, как положено в школе. Учительница останавливается у окна и смотрит не на учеников, а куда-то в окно, где на фоне синего неба графически чётко вырисовываются тонкие голые ветви. Наконец поворачивается к ученикам. И вместо приветствия тихо, торжественно: «Сегодня мы начинаем Пушкина. «Люблю тебя, Петра творенье...»» Внезапно замолкает и после паузы в мёртвой тишине восклицает: «Боже мой, какие вы счастливые! Рядом Ленинград. Рядом Мойка... Медный всадник... Вы живёте в краю белых ночей... Пройдут годы. Судьба разбросает вас. Но нигде вы не перестанете быть ленинградцами. Нигде...»

Дверь в класс открывается, входит директор школы. Ученики опять встают, громко хлопая откидными крышками парт.

Директор: «Здравствуйте, ребята. Садитесь. Наталия Васильевна, разрешите? Я коротко, всего несколько слов... Я зашёл к вам, чтобы сообщить очень хорошую новость. Наш город, наш славный рабочий Сестрорецк, выставил свою хоккейную команду на первенство Ленинградской области среди школьников. Из вашего класса в команду вошли Олег Белаковский, Александр Никитин и Всеволод Бобров. Из старших классов в команду – Владимир Бобров, брат Севы».

Мальчики один за другим встают. Их лица радостно сияют.

Директор: «Поздравляю вас, ребята. На вас ложится большая ответственность – защищать честь Сестрорецка на спортивном поле. Теперь это не матч во дворе, а настоящее, официальное состязание».

Стадион. Игра в хоккей с мячом. Сева обходит соперников и забивает мяч в ворота. Ещё обводка, ещё гол.

Команда возвращается в Сестрорецк. Сева и Володя входят в квартиру, сбрасывают верхнюю одежду, входят в комнату и видят пианино.

Мама обнимает сыновей: «Ну как? Выиграли?»

Володя: «Да... Мам, а это что?»

Мама: «Пианино».

Володя: «Вижу, что пианино. Но зачем оно тут?»

Мама: «Будете учиться музыке. Надо не только мячи гонять, но и приобщаться к культуре».

Володя и Сева в один голос: «Ну мам! Ну нет! Ну...»

Тоня: «А я вот хочу учиться музыке. И буду».

Интервью. Всеволод Бобров: «Маме страшно хотелось сделать из нас музыкантов. И вот всех нас троих – Володю, Тоню и меня – представили приглашенному педагогу... Начались занятия. Для нас с Володей они были сущей пыткой: стоило только начаться уроку, как во дворе, словно назло, раздавался звон мяча, завязывались жаркие схватки. Мы крепились десять-пятнадцать минут, а затем под разными предлогами покидали комнату и, конечно, уже не возвращались к месту нашей пытки».

Параллельно с этими словами зритель видит двор сквозь окошко, множество мальчишек с клюшками, детей на санках.

Сева выходит в коридор. Там его ловит мама: «Куда?»

Сева: «Мам, по нужде надо... очень...»

Мама: «Приспичило?»

Сева: «Просто не вмоготу».

Он притворяет за собой дверь, но не плотно, затем мы видим, как его рука тянется за коньками.

Мама: «Стой! А коньки зачем? А ну вернись!»

Сева бежит без оглядки по искрящемуся снегу.

Голос Всеволода Боброва за кадром: «Мама сердилась, но потом поняла, что мы в этом деле безнадежны, и занятия продолжила только Тоня»...

1937. Сестрорецк. Школа. За окном буйная солнечная весна.

Ученики в классе. Учитель и директор у доски.

Директор: «Вот вы и окончили семилетку, ребята. Теперь многие из вас пойдут по стопам своих родителей, будут осваивать рабочие профессии. Насколько я понимаю, большинство идёт в фабрично-заводское училище при нашем заводе. Правильно?»

Ребята хором: «Правильно!»

Директор: «Вот и хорошо. Молодцы... Ну а тем, кто остаётся в школе дальше, я желаю усердия и успешно грызть гранит науки».

Заводской цех. Сева Бобров возле токарного станка смотрит, как работает его наставник Иван Первухин.

Первухин: «Это, брат Сева, знаешь ли, превыше всего. Ведь мы теперь кто? Хозяева страны. Мы за всё, что делается у нас на земле, в ответе. Так что давай всегда и во всём показывать другим, как жить надо. Честно. Ясно. Прежде всего, для людей. А потом уж и для себя...»

Сева: «Иван Христофорович, а если из меня не получится хороший рабочий?»

Первухин: «Как так? А я тут на что? Почему не получится?»

Сева: «Ну а вдруг? Ну, если, к примеру, руки у меня не из того места...»

Первухин: «Это ты брось, брат. Это ты на всякий случай выдумываешь оправдание, на случай, если где-то напортачишь... А ты не портачь, делай нормально, себя в работу вкладывай, и всё получится. Главное – не суетись, не торопись, тогда сделаешь точно, наверняка... Конечно, не обязательно ты станешь лучшим из лучших, но уж руками завсегда наладить сможешь что угодно. За это я ручаюсь»...

Улица Сестрорецка. Клуб. Полный зал. На экране – хроника последних событий: идут толпы людей с транспарантами «Смерть врагам народа». Лица зрителей напряжённые.

Сестрорецк, ветер метёт по улице жёлтые листья.

Сева Бобров подходит к заводским воротам. Его останавливает Иван Первухин.

Первухин: «Погоди, Сева, постой со мной, покурим».

Сева: «Я ж не курю, Иван Христофорович».

Первухин: «Да и я редко балуюсь».

Сева: «А почему здесь? Можно и внутри».

Первухин: «Успеется...»

С территории завода выезжают две чёрные машины. Первухин провожает их настороженным и испуганным взглядом.

Сева: «Начальство?»

Первухин: «НКВД... Двух инженеров нашего ФЗУ арестовали».

Сева: «Арестовали? За что? Враги народа?»

Первухин: «Я с ними бок о бок против Юденича стоял под Питером. Бок о бок... Они не враги...»

Сева: «Тогда почему?»

Первухин: «Не знаю... Ошибка... Или подлость чья-то... Ты знаешь что, Сева, ты друзьям верь и от друзей не отворачивайся. Всякое в жизни случается, но ты не отворачивайся. Человек и оступиться может, согрешить, но ты удержи его, не дай упасть, не дай утонуть...»

Сева: «А как же подлость?»

Первухин: «А вот подлость – это всё одно что предательство. Такого прощать нельзя».

Сева: «А если друг предал? От него всё равно не отворачиваться?»

Первухин: «Если друг предал, это уже не друг. Дружба – это святое. За друга жизнь свою отдают. Дружба – это единственное, на что опереться можно...»

Интервью. Хлопушка. Михаил Бобров, отец Севы: «Вроде бы мирное время... После революции уж семнадцать лет минуло, а столько преступного элемента было!.. Всё гражданская война виновата... Шпана, карманники, бандиты... Ножи, финки, а то и наганы в ход пускали... Ну и всякие, которые из бывших, которые не приняли Советскую власть, этих элементов тоже хватало. Непростые времена, очень непростые... Поначалу арестовывали бывших, ну, которые из офицеров или просто из зажиточных. А потом врагов стали выявлять среди своих, среди наших рабочих. Со многими мы вместе революцию делали, и вдруг – вредитель, враг народа! Как так? Я не понимал этого... Тяжело было и, чего скрывать, страшно... Вины за собой не чувствуешь никакой, а всё одно прислушиваешься к шагам за дверью: не за тобой ли приехали...»

Раннее утро. Пустынная улица. Возле одного из домов останавливается чёрный автомобиль «воронок».

Квартира Бобровых. Михаил Бобров (отец Севы) поднимает голову, прислушиваясь к шуму в подъезде. Слышится громкий стук в дверь. Его жена испуганно смотрит на мужа: «Что там?» Михаил Бобров прикладывает палец к губам.

Михаил Бобров идёт по коридору к входной двери, выглядывает. На лестничной клетке стоят люди в кожаных куртках. Один из них властно велит Боброву уйти, вталкивает его рукой обратно в квартиру: «Закройте дверь, товарищ. Не мешайте». Соседская дверь приоткрывается, видно испуганное женское лицо. Чекисты входят внутрь. Слышится вопрос: «Гражданин Фелимонов здесь проживает?»

Бобров угрюмо стоит в коридоре, прислушиваясь к происходящему.

Из комнаты бредёт Сева.

Отец: «Севка, ты куда?»

Сева: «Во двор, по нужде».

Отец: «Погодь... Не ходи».

Сева: «А что там?»

Отец молча прижимает голову сына к себе. Из другого конца коридора на них смотрит мать Севы. Выходят из комнаты Володя и Тоня.

Интервью. Александр Никитин, журналист: «Я Севке по гроб жизни благодарен за его дружбу... В тридцать седьмом моего отца арестовали. Многие от меня отвернулись, как от сына врага народа. Почти все отвернулись, а Севка остался рядом. Он, конечно, не понимал, что происходит в стране, никто из нас, мальчишек, ничего не понимал. Сталин – отец народов, справедливый и мудрый. Так мы все думали. Всюду его портреты. Арестовали кого-то – мы верили, что так и надо. А если кого-то из знакомых, то верили, что это ошибка и что скоро „там“ во всём разберутся... И вот моего отца арестовали. Дали десять лет без права переписки. Ошибка!.. Боль выжигала меня изнутри, боль души... Чёрная пустота... Мать слегла, долго не могла оправиться. Севка меня каждый день звал к себе обедать... Ну и хоккей, конечно... Там, на спорте, всё как-то забывалось – несправедливости, обиды, на спорте жизнь была ключом... А в 1939-м Севку включили в состав первой заводской команды. Меня тоже взяли. Это уже был настоящий, большой хоккей. Мы встречались в официальных матчах с самыми лучшими, самыми сильными командами Ленинграда: „Динамо“, „Красная заря“, с командой Кировского завода и другими...»

Золотая осень. Двор дома. День. Голубятня. Кто-то из мальчишек зовёт: «Севка! Глянь, что у меня!» Сева взбирается на голубятню к приятелю, рассматривает голубя.

Снизу его зовёт Володя: «Севка, идём на конный двор».

Сева спускается с крыши голубятни: «А что там?»

Володя: «Можно раздобыть ненужные дуги. Распилим их, крюки примотаем к палкам, получатся клюшки».

Сева: «А кто нам дуги даст?»

Володя: «Дядя Фима сказал, что надо убрать навоз, опилки, мусор, тогда дадут».

Сева: «И чего ж мы ждём? Бежим!»

Сева зовёт Александра Никитина: «Сашка, айда с нами».

Квартира Бобровых. Михаил Бобров (отец Севы) устало снимает спецовку. Лидия (жена) выглядывает из кухни: «Пришёл? Как ты? Что так поздно?»

Отец целует жену: «Собрание парткома».

В комнате Тоня играет на пианино.

На полу в коридоре сидит Сева и мастерит клюшку.

Отец: «А ну дай... Добро... Крепко сделал».

Мать: «Как из училища вернулся, так сразу клюшку сел мастерить».

Отец: «Молодец. Откуда дуга?»

Сева: «Дядя Фима дал. Мы с Вовкой ходили к нему на конный двор, работали. Вот и заслужили».

Отец проходит на кухню. Мать гремит тарелками.

Мать: «Сева! Тоня! Ужин!»

Отец: «Вовка где?»

Мать (с улыбкой): «Девушку провожает».

Отец: «Девушку?»

Мать: «Прощается».

Отец: «Почему прощается?»

Мать: «Повестку получил. В Красную Армию призывают. Завтра в военкомат идёт».

Отец кашляет и чешет голову.

Входит Сева: «Пап, через неделю матч с ленинградским „Динамо“ здесь, в Сестрорецке, на нашем поле. Придёте?»

Отец подмигивает матери: «Ещё бы! И Антонину приведём. Из всех сил болеть будем! Всей семьёй».

Футбольное поле Сестрорецка. Много зрителей. Команда завода «Прогресс» против ленинградского «Динамо».

Перед началом матча в раздевалку заводской команды входит Михаил Бобров. Сева Бобров и Олег Белаковский шнуруют бутсы.

Сева говорит Олегу: «Видал, что на трибунах творится? Ох и отлупят же нас, если проиграем».

Отец Севы (на ухо): «Волнуешься, Сева?»

Сева: «Волнуюсь, папаня».

Отец: «И зря. Играй, дружок, как обычно. Не бойся никого и не старайся делать то, чего не можешь, не рисуйся. Одним словом, держи себя просто, играй в удовольствие, и всё будет в порядке».

Игра. Два гола в ворота «Динамо». Динамовцы потрясены и обозлены. Начинают играть острее.

На воротах заводской команды стоит Олег Белаковский. Динамовцы забивают три гола. Олег расстроен. Зрители неистовствуют. Счёт 3:2 в пользу «Динамо».

Последние минуты матча.

Заводская команда идёт в наступление. По краю прорывается вперёд Федя Чистяков, обводит одного защитника, перепрыгивает через другого, бросившегося ему под ноги, и перед самыми воротами, когда ещё два защитника бросаются ему наперерез, отдаёт пас Сева Боброву. Сева забивает гол. Звучит финальный свисток.

Футболисты завода прыгают от восторга. Сева обнимает Олега Белаковского и Александра Никитина.

Раздевалка. Входит Валентин Фёдоров, игрок ленинградского «Динамо».

Фёдоров: «Сева, поздравляю тебя с отличной игрой. И ещё вот что. Мы собираем сборную Ленинграда, чтобы играть против сборной Москвы в хоккей. Приглашаю тебя».

Сева: «Правда?»

Фёдоров кивает: «Так что отдохни малость, а я пришлю открытку – число и время очередной тренировки».

Сева: «Спасибо».

Фёдоров уходит. Заводские футболисты бросаются к Севе с поздравлениями, жмут руки: «Молодец! Вот это фортуна! Поздравляю! Знай наших!»

1940. Ранняя зима. Ленинград.

Сева стоит перед стадионом. В одной руке он держит клюшку, в другой сжимает свёрток. Мимо проходят спортсмены с аккуратными чемоданчиками в руках, с клюшками в специальных чехлах. Сева садится на запорошённую снегом лавку. Вся его поза говорит о смущении и нерешительности.

Возле Севы останавливается Валентин Фёдоров. Сева поднимает к нему лицо.

Фёдоров: «Сева? Кого поджидаешь?»

Сева: «Никого, Валентин Васильевич... Просто сижу».

Фёдоров внимательно смотрит на снаряжение Боброва, на его самодельную клюшку.

Фёдоров: «Пойдём на тренировку, Сева».

Сева встаёт: «Валентин Васильевич... У меня такая плохая экипировка. Лыжный костюм... Стыдно в таком рядом с вашими игроками».

Фёдоров: «Сева, выигрывает спортсмен, а не его экипировка. Пойдём»...

Зима. Сестрорецк.

Сева Бобров целуется с девушкой. Она заметно выше него.

Девушка: «Не надо, Сева».

Бобров: «Почему? Что ты?»

Девушка: «Рано нам».

Бобров: «Ты что, Зинка? Мне семнадцать, на днях восемнадцать стукнет. И тебе...»

Девушка: «Семнадцать».

Бобров: «Мы взрослые...»

Девушка: «Нехорошо это»...

Бобров: «...А я уезжаю...»

Девушка: «Играть?»

Бобров: «Играть. Настоящий матч. Всё серьёзно».

Девушка: «Зато у нас с тобой не серьёзно...»

Бобров: «Это почему же? Ты думаешь, у меня ветер в голове?»

Девушка: «Хоккей у тебя в голове... А я для тебя...»

Бобров: «Вот это ты зря, Зина. Не спорю, спорт – это важно. Но дружба важнее».

Девушка: «Значит, у нас дружба? Всего лишь дружба? Тогда зачем целоваться хочешь?»

Бобров: «Зин... Ну ты что! Ты же знаешь... Нравишься ты мне очень».

Девушка: «Проводи меня, поздно уже. Мама ругать станет».
Бобров хватает девушку в охапку и неистово целует её лицо.

Хоккей с мячом. Бобров уверенно ведёт клюшкой мячик. Зрители восторженно кричат, свистят, хлопают.

После матча вокруг Боброва много болельщиков, много девушек.
Незнакомая девушка целует Боброва: «Ой, вы такой молодец!»
Из-за спины слышится чей-то голос: «Бобров, не упускай!»
Бобров с удовольствием целует незнакомку.

Квартира Бобровых. За столом отец, мать, Сева и его сестра Тоня.
Отец: «Ну что ж. Наливаю всем по маленькой. Выпьем за спортивные достижения нашего Севы. Ты молодец, дружок».

Сева (с нетерпением): «Меня позвали участвовать в летнем сезоне ленинградской сборной. Футбол!»

Отец: «Об этом ещё рано... Давайте сперва зиму переживём. А что там летом будет, посмотрим».

1941

Улица города. Громкоговоритель на столбе. Металлический голос диктора объявляет о начале войны. Толпа неподвижно смотрит на громкоговоритель.

Интервью. Всеволод Бобров: «В сорок первом, когда мой брат Володя должен был демобилизоваться, началась война. 22 июня он должен был участвовать в футбольном матче, но в семь утра прозвучала боевая тревога... Через два часа курсанты экстренно снялись из лагеря, и в считанные дни мой старший брат был уже на фронте».

Здание военкомата. Огромная толпа у дверей. Из дверей с трудом проталкивается Сева Бобров. Пробирается сквозь толпу.

Квартира Бобровых.

Мать бежит навстречу Севе, за ней следует взволнованная Тоня.

Обе в один голос: «Ты где был?»

Сева: «В военкомат ходил».

Мать: «Что?»

Сева: «Заявление написал... Бюрократы... Крючкотворы... Когда надо, говорят, тогда и призовём, а пока, говорят, вкалывай на заводе».

Мать: «Куда ты спешишь? На заводе рабочие руки нужны. Не всем в окопах сидеть. Хватит, что Володю на фронт отправили».

Сева обнимает мать: «Всё будет хорошо, мама. Вовка скоро вернётся. Война быстро закончится»...

Мать (с большим сомнением): «Да уж... Когда с финнами воевали, тоже говорили, что скоро закончится».

Сева (обеспокоенно): «Отец что-то задерживается».

Сева подходит к окну. По улице идут мужчины с вещевыми мешками за плечами. Рядом с некоторыми семят плачущие женщины.

Бомбы падают на город. Слышен звук сирены, оповещающей о воздушной тревоге.

Сева в мастерской завода, работает напильником, прислушивается.

Люди бегут между кирпичными корпусами завода. Сева то и дело смотрит на небо.

«Страшно?» спрашивает ковыляющий рядом взрослый мужчина.

«А тебе, что ли, не страшно, Михеич?»

Михеич устало приваливается к стене: «Я в гражданскую под всякими обстрелами побывал. И под саблями тоже. Человек боится, однако ж ко всему привыкает... Только всё равно страшно»...

Сентябрь 1941. Ленинград. Финляндский вокзал.

Кольцо вокруг города сжимается всё туже.

Толпы женщин с плачущими детьми, старики с потускневшими, серыми лицами, мешки, рюкзаки, чемоданы, всё колышется огромной густой массой то в одну, то в другую сторону и вдруг замирает у репродукторов.

Олег Белаковский одет в военную форму, слушает, задрал голову, голос диктора.

Кто-то кричит: «Алик!»

Олег оборачивается, шарит глазами, видит продирающегося сквозь толпу Севу Боброва в кепке и поношенном демисезонном пальто.

Олег: «Севка, чёрт, откуда?!»

Олег дружески тычет Севу в плечо, Сева отвечает тем же.

Олег: «Несколько месяцев не виделись».

Сева: «Ты почему в форме? На фронт отправляешься?»

Олег: «Я поступил в военно-медицинскую академию. Сегодня нас вывозят из Ленинграда. А ты откуда?»

Сева неопределенно мотает головой и вместо ответа легонько подталкивает Олега: «Давай выберемся отсюда».

Олег: «Ты давно из дому?»

Сева: «Сегодня приехал и сегодня уезжаю» Он снимает кепку и мнёт её в руках.

Олег: «Слушай, у меня тут есть кое-что с собой».

Сева вопросительно смотрит на товарища. Они устраиваются на ступеньках. Олег достаёт из вещмешка буханку хлеба, разламывает её надвое. Сева делит свою долю ещё раз пополам и медленно, сосредоточенно жуёт, тщательно пережёвывая.

Олег: «Так как там у нас, в Сестрорецке?»

Сева молчит, смотрит на толпу, затем говорит: «Война... Не может этого быть... Завод эвакуируется».

«Куда?»

«Точно пока не знаю».

«Ваши едут с заводом?»

«Конечно, куда отцу без него...»

Олег: «А ты?»

Сева: «Тоже с ними...» и добавляет, словно стыдясь: «Ходил в военкомат... Не взяли».

Оба молчат.

Сева: «Неохота уезжать... Но там всё равно долго не пробуду. Подамся на фронт».

Олег: «Кого ты видел из наших?»

Сева: «Летом, давно видел Маляра. Сейчас он на фронте».

Олег: «А Коновалов?»

Сева: «Тоже в армии. Из наших почти никого не осталось».

Сева хлопает себя по карману, достаёт пачку сигарет. Они оба закуривают.

Над ними клокочет шум площади, позывные радио и голос: «От Советского Информбюро. Сегодня после упорных и ожесточенных боёв наши войска оставили город...» Голос диктора тонет в паровозных гудках.

Сева выплёвывает чинарик, надвигает на лоб кепку.

Сева: «Хорошо, что увиделись. Теперь кто знает, когда ещё придется встретиться».

Олег: «Ты напиши мне. Слышишь, обязательно напиши. Пиши на адрес академии. Её ты всегда разыщешь... Ну ладно, давай лапу».

Сева ухмыляется: «Слушай, а может быть, ещё когда-нибудь сыграем?... Если живы останемся...»

Олег: «Может быть, и сыграем...»

Сева: «Ну будь здоров!»

Он сбегает по ступенькам без оглядки.

Хроника. Парад в Москве Полки с Красной площади уходят на фронт.

Сестрорецк. Комната Бобровых в коммуналке.

Мать Севы пакует вещи в чемодан: «Неужто всё так плохо? Зачем уезжать?»

Отец строго: «Эвакуируют нас, мать. Везь завод. Радуйся, что все вместе отправляемся. У других кто в одну сторону, кто в другую... Война разбрасывает...».

Мать Севы: «Миша, неужели мы с ними не справимся? Неужели немцы...»

Отец: «Не говори глупости».

Мать: «Но ведь отступаем! Бежим-то как! Значит всё плохо! Говорят, немцы вот-вот возьмут Ленинград в кольцо. Страшно мне...»

Она садится на стул и плачет.

В квартиру вбегает возбуждённый Саша Никитин. Его встречает Тоня.

Никитин: «Тоня, где Сева?»

Тоня: «На заводе. Погрузка там».

Никитин смотрит на часы: «Не успею. Машина ждёт».

Тоня: «Ты почему в форме?»

Никитин: «Уезжаю... На минутку заскочил».

Тоня (закрывает от ужаса рот ладонями, чтобы не вскрикнуть): «На фронт? А почему не с нами в Омск?»

Никитин: «Упросил отправить меня корреспондентом. У меня опыт, ты же знаешь, я много для заводской газеты писал...»

Тоня: «А твоя мама?»

Никитин: «Её вчера бомбой... Меня ничто не держит. На фронт хочу... Ненавижу их... Увидимся ли? Севке передай от меня привет. Удачи вам, держитесь. У меня никого нет, кроме вас»...

Никитин убегает вниз по лестнице, громко топая сапогами. Тоня кричит ему: «Саша!..»

Поезд. Самолёты в небе. Вдоль железнодорожного полотна взрываются бомбы. Крик, визг, плач. Дым, пыль. Чёрные воронки на снегу.

Сева натывается на тело крупного мужчины, падает. В нескольких метрах от них дымится воронка. Сева видит ноги мужчины, они в крови, штанины слиплись от крови. Сева тащит раненого в воронку, чтобы укрыться. Мужчина тяжёлый, Сева с трудом справляется. Очутившись на дне воронки, Сева решительно снимает с себя рубаху, рвёт её на полосы и начинает перевязывать ноги раненому, чтобы остановить кровь». После этого он выбирается из воронки и кричит: «Врача! Нужен доктор!» Бежит вдоль поезда. Его отец появляется внезапно и сбивает его с ног: «Ложись!»

Сева: «Папа, там раненый, ноги перебиты, много крови. Нужен врач».

Отец: «Где?»

Сева указывает рукой: «Там. Я его спрятал в воронке... от бомбы».

Отец: «Давай туда. Я сейчас буду».

Сева возвращается в воронку, падает рядом с раненым: «Товарищ, потерпите, пожалуйста».

Немецкие самолёты улетели.

Появляется отец и доктор с сумкой.

Разбежавшиеся люди медленно возвращаются к вагонам. Сева помогает кому-то встать в земли. Смотрит вокруг. Возле колёс поезда сидит женщина и молча трясёт кулаком в небо.

Декабрь 1941. Ржев.

201-й артиллерийский полк. Пожилые рабочие в телогрейках чинят испорченные орудия.

Владимир Бобров бинтует кисть руки. Мимо проходит медсестра: «Помочь?»

Бобров: «Нет, царапина. Прикручивал и защемил. Ерунда».

Рядом взрываются снаряды.

«К бою!»

Владимир Бобров: «Ну, что отцы, пора за дело. Дадим фрицам по зубам!»

Недалеко от их линии появляются немецкие пехотинцы, стреляют из автоматов. Владимир падает, раненый в ногу.

Бобров: «Пулемёт! Где пулемёт? Огонь!»

Солдат подтаскивает пулемёт и падает с простреленной головой. Владимир подползает к пулемёту и начинает стрелять: «Нет, гады, нет, не прорвётесь!»

В нескольких шагах от него возникает фигура врага. Автомат бьёт очередь...

1941. Омск. Падает мокрый снег с дождём, старое здание без крыши. Рабочие ввозят заводские станки. Другие натягивают палатки для временного укрытия. Дымит полевая кухня. Лязгают тракторы, гудят грузовики. Всё это в грозном, мелькающем свете прожекторов.

Интервью. Михаил Бобров: «Работали по четырнадцать часов в сутки. Не понимаю, как люди выдерживали. А дети? Ведь очень много детей трудилось на заводе, даже маленькие, десятилетние».

Заводской цех. Какой-то мальчик стоит на ящике возле станка, работает.

Где-то в углу спят на земляном полу рабочие другой смены.

Интервью. Всеволод Бобров: «Не было смысла ездить домой. Сил не было на дорогу туда-обратно. Ночевали прямо на полу... хорошо, если солома была. Два-три часа тревожного сна, и опять на ногах... Я был сборщик-механик в цехе, где собирались артиллерийские прицелы... (вдруг широко улыбается) Кто-то однажды предложил сыграть в футбол. Все согласились, выбежали в перерыве во двор и... стали играть в футбол! И как-то повелось, что мяч стал способом восстановить силы. Не каждый день удавалось играть, но часто... Пятнадцать-двадцать минут в перерывах между сменами иногда отдавали спорту. Нам это было нужно, жизненно необходимо. Быть может, это было для нас важнее, чем кусок хлеба, потому что, играя в футбол и хоккей, мы заряжали друг друга жизнью...»

Интервью. Александр Никитин, журналист: «Знаете, что поразило меня в первые месяцы войны? В Москве состоялись в начале зимы два хоккейных матча. Не на стадионах, а на Чистых прудах и на льду возле Новодевичьего монастыря. Зрителей почти не было, зато репортажи

об этих матчах транслировались по всесоюзному радио. В этом состоял их главный смысл – продемонстрировать всей стране, что жизнь не прекращается. Взбодрить, поднять дух... В те дни не было ничего важнее».

Омск. Заводской цех. Митинг.

Кто-то выступает перед собравшимися: «Товарищи! Наш завод намного раньше срока дал первую продукцию! Ура, товарищи!»

В ответ гремит дружное торжествующее «Ура!!!» Сева и его отец стоят в первых рядах перед трибуной и яростно аплодируют. Возле располагается маленький духовой оркестр, он играет марш.

Заводской двор. Рабочие играют в футбол.

Начальник цеха разговаривает со своим товарищем: «Правильное дело. Спорт необходим, чтобы напряжение сбросить. Душа успокаивается. Я бы с удовольствием сам гонял бы мяч, но не могу. Нога... Осколок...»

Заводской цех, шум, работают станки, летят искры, на пол падают металлические стружки.

1942. Омск. Комната Бобровых.

Сева входит в дверь. Мать испуганно смотрит на него.

Сева: «Что случилось, мама?»

Она молча протягивает ему повестку из военкомата.

Сева: «Повестка?! Наконец-то... Теперь будет настоящее дело, теперь – бить гадов. Как долго я ждал!»

Мать: «Сева, мальчик мой...»

Сева: «Мама, ну какой я мальчик, посмотри на меня. Я крепче и выносливее многих, кто сейчас на фронте. Я спортсмен».

Входит отец, сразу видит огорчённое лицо жены. Переводит взгляд не сына, на повестку в его руках: «Из военкомата?»

Сева: «Пап, ну скажи ей... Ну как же так... Ну что она плачет...»

Отец хмурится: «Война – это не в футбол, Сева. И материнское сердце... Сам должен понимать... Тебе уже двадцать, уже мужик, можно сказать... Но ты всё равно ребёнок для матери... Просто всегда помни об этом».

Коридор военкомата. Множество людей. Бобров входит в кабинет.

«Разрешите?»

«Фамилия?»

«Бобров Всеволод Михайлович».

«Подойдите к столу... Минутку... Где-то я только что видел ваше... Так, отправляетесь на фронт. Завтра выезжаете в военный лагерь. Сбор в шесть утра здесь, во дворе».

«Наконец-то! Спасибо».

Утро. Грузовые машины с новобранцами отъезжают от пункта сбора.

Капитан танковых войск Дмитрий Богинов выходит из поезда на пустынный перрон. Его левая рука висит на перевязи. Начинается дождь. Богинов смотрит на часы, оглядывается, видит двух мужчин.

«Товарищи!»

Мужчины останавливаются. Один из них Михаил Бобров, отец Севы. Они спешат укрыться от дождя на станции.

Михаил Бобров: «Богинов! Дима! Ты ли это?»

Богинов: «Михаил Андреич! Вот так встреча! Какими судьбами?»

Бобров: «Так мы тут на заводе. Нас же эвакуировали в Омск. На трамвай опоздали, вот бежим укрыться... А ты здесь как?.. Давай под навес...»

Богинов: «Прибыл за новобранцами... На фронт повезу... Твои-то парни как?»

Бобров: «От Володьки ничего не слышно с лета сорок первого. Как уехал, так и ни одной весточки. Боюсь худшего... А Севку только что призвали. Он со мной на заводе работал».

Богинов: «Футбол не забросил?»

Бобров: «Что ты! Играет как зверь. Отчаянный он. Смену у станка отстоит, а всё одно бежит мяч гонять. Всех поднимет, заведёт... Мощь в нём какая-то спортивная, небывалая... Когда с фронта вернётся, обязательно футболистом станет...»

Богинов (с нескрываемой грустью и безысходностью): «Когда вернётся...»

Новобранцы отрабатывают на мешках с песком удары штыком. Всеволод Бобров – один из новобранцев.

Дошатае строение. В дверях стоит Дмитрий Богинов и постукивает папиросой о тыльную сторону руки. Ощупывает карманы. «Лейтенант, спички есть?»

Молодой лейтенант: «Так точно, товарищ капитан» и, чиркнув спичкой, подносит огонь. Капитан Богинов жадно закуривает. Распрямляется, хочет потянуться, но боль, видимо, пронзает раненую руку. Богинов морщится.

Лейтенант: «Болит?»

Богинов: «Болит... Душа болит за этих пацанов. Ничегошеньки они ещё не умеют, а придётся им в самую мясорубку... Да и ты, лейтенант, ничего ещё не умеешь. Когда училище закончил? Месяц тому или два?»

Лейтенант (с виноватой интонацией): «Три месяца, товарищ капитан. Пороха, конечно, не нюхал, но...»

Богинов: «Понюхаешь скоро. Тошнить от этого запаха станет. И от запаха сгоревших трупов тоже. Ладно, давай списки».

Они входят в помещение. Богинов садится за стол, лейтенант кладёт рукописные списки новобранцев. Все фамилии написаны красивым каллиграфическим почерком. Богинов ведёт пальцем по фамилиям и внезапно его взгляд фокусируется.

«Всеволод Михайлович Бобров»...

Капитан сводит брови, пытаюсь совместить в голове факты.

Капитан шепчет: «Севка? Неужели?»

Перед его глазами мальчик Сева Бобров лихо лупит по футбольному мячу.

«Севка!»

Капитан прикуривает новую папиросу от старой. Опускает голову на ладонь здоровой руки. Распрямляется, приняв решение.

Богинов тычет пальцем в фамилию «Бобров» и говорит сидящему рядом писарю: «Вычеркни вот этого недомерка. Вычеркни и перепиши лист».

Капитан встаёт и нервно растирает себе грудь здоровой рукой.

Колонны новобранцев уходят по дороге.

Всеволод Бобров и ещё несколько десятков молодых ребят смотрят уходящим вслед.

Лейтенант: «Так, славяне, что пялитесь? А ну бегом на плац. Строевую подготовку никто не отменял».

Кабинет майора Игнатенко. На стене висит «тарелка» репродуктора. Голос диктора сообщает информацию «От советского информбюро...» Входит Всеволод Бобров.

Майор Игнатенко: «Рядовой Бобров?»

«Так точно».

«Вы направляетесь на учёбу в интендантское училище».

«Что? Не понимаю. Как это? А на фронт? Я же просил...»

«Товарищ Бобров, это не я решаю. Пришла разрядка, мы все живём по приказу партии».

«Но я ждал, что меня на фронт! Мой старший брат на фронте... Ребята, с которыми я был призван, тоже ушли, а я, значит, учиться? Отсиживаться в тёплом месте?»

«Товарищ Бобров, есть приказ. За неподчинение в военное время... Сами знаете... А на фронт успеете. Получите необходимые знания и займёте своё место в строю, лейтенантом будете».

Бобров: «То есть штаны протирать за партой, когда на передовой каждый человек важен? Знаете, как от стыда сердце жжёт, что я здесь, а не там? Сколько можно объяснять, что я не склонен, не предназначен для интендантской работы? Отправьте рядовым, чёрт возьми! Ну вы посмотрите на меня! Я не интендант, я спортсмен, я предназначен для активной военной службы».

Офицер военкомата с пониманием смотрит на Боброва: «Мой отец ушёл на фронт рядовым красноармейцем, его направили писарем в штаб. Каллиграфия, понимаете ли, идеальный почерк. Но война заставляет всех брать винтовку в руки, даже штабного писаря. Была наступательная операция, он вместе со всеми шёл в атаку и погиб... Тяжёлое осколочное ранение в живот... Так что... Вы думаете, мне не хочется туда, чтобы хотя бы одного фрица шлёпнуть и отомстить... хотя бы одного... Но я здесь, в этих тоскливых бумажках, в этих картотеках, в этом, чёрт возьми...! Нет, не торопитесь, товарищ Бобров. Фронт прожорлив. Всеми своё время».

Омск. Кабинет генерала Белова, начальника военного интендантского училища. Генерал смотрит в мокрое окно. За его спиной стоит полковник.

Генерал: «Я хочу сколотить сильную футбольную команду».

Полковник: «Сейчас? В военное время?»

Генерал: «Вы помните, что Москва в самые тяжёлые месяцы обороны провела два хоккейных матча? И другие города проводят спортивные состязания. Это крайне важно для людей – слышать дыхание нормальной жизни. Спорт – это жизнь».

Полковник: «Да, спортивных клубов раньше было много, но...»

Генерал: «На заводе „Прогресс“ постоянно играют в футбол. Там есть Михаил Бобров, он с середины двадцатых годов был в заводской команде, сперва на Путиловском в Питере, затем в команде „Прогресса“ в Сестрорецке. Поинтересуйтесь, кого он порекомендует из игроков. Кстати сын его сейчас в нашем училище, насколько я знаю, тоже спортсмен, за сборную Ленинграда выступал. Имейте это в виду».

Полковник: «Будет сделано, товарищ генерал».

Дождь. Футбольный матч. Всеволод Бобров забивает гол. Болельщики в восторге.

Клуб училища. Натянутая простыня вместо киноэкрана. Курсанты смотрят кинохронику.

Казарма. Курсанты с газетами в руках, обсуждают арест Старостина.

«Читали? Старостина арестовали!»

«Старостин – первоклассный спортсмен, футболист! Чего его арестовать?»

«В газете сказано, что он шпион».

«Он футболист! Какой шпион?».

«Чёрным по белому написано! Уже состоялся суд».

«Понимаю, что написано, но как это возможно? Как футболист может быть шпионом? Какие у него секреты? Наверняка ошибка!»

«В следственных материалах сказано, что он пропагандировал буржуазную манеру игры».

«Какую? Буржуазную? Это что за манера такая? Бей по мячу – вот и вся игра. Будь ловким и быстрым – вот весь секрет. Шпионаж-то где?»

На середину комнату выходит курсант со строгим лицом, и говорит сквозь зубы: «Товарищи, считаю этот разговор неуместным. Партия лучше знает, кто враг. В следственных органах не дураки работают. Не мы с вами судили Старостина, а пролетарский суд под руководством нашей партии. Невинного никто не осудил бы. Сказано, что шпион, значит шпион, будь он хоть футболист, хоть кочегар, хоть полотёр... А кто будет оспаривать решение партии, тот сам – враг народа!»

Все уныло замолкают, повисает тоскливая тишина.

Интервью. Всеволод Бобров: «В феврале 1943 года победно завершилась Сталинградская битва. Мы все ждали этой победы, все надеялись, но слишком уж огромные были потери, чтобы быть уверенными в исходе. Сталинград был превращён в руины. Собственно, ничего от города не осталось, только груды кирпича... И вдруг в мае, когда, казалось, что в Сталинграде и речи не могло быть о каких-то мирных праздниках, на берегу Волги состоялся футбольный матч. Настоящий футбольный матч! Вокруг ещё не все трупы убраны, не все мины обезврежены, и тут вдруг – футбол! Играли на крохотном стадиончике в Бехетовке. Чуть ли не десять тысяч зрителей собралось там – раненые солдаты, офицеры и чудом оставшиеся в живых мирные жители. Играли Сталинградское „Динамо“ и московский „Спартак“. Сталинградцы выиграли со счётом 1:0...»

Интервью. Иосиф Сталин: «Лондонская „Таймс“ отвела целую страницу этому матчу. От лондонского футбольного клуба „Арсенал“ прилетела приветственная телеграмма. А известный британский журналист Брюс Харрис написал так: „Сталинград – это имя стало сейчас символом невиданной стойкости, храбрости, победы. Но можно ли было думать, что после таких переживаний, какие не выпадали ни одному городу, город сумеет выставить на футбольное поле свою команду? Не есть ли это проявление того духа, который свойственен только русским воинам?“»

Хроника: разрушенный город, сплошные руины. Хроника футбольного матча.

Омск. Военное интендантское училище. Всеволод Бобров и курсанты обсуждают футбольный матч в Сталинграде.

Бобров: «Какая игра, братцы! Какой футбол! Ну почему не мы играли там?!»

Кто-то из курсантов: «Куда нам... Мы ж так... Просто балуемся...»

Бобров: «Спорт – не баловство! А в Сталинграде... этот футбольный матч доказал, что спорт может и должен быть оружием, знаменем, пропагандой мирной силы. Только так!»

Омск. Декабрь 1943

Военные палатки под снегом. Всеволод вскрывает письмо. Его лицо омрачается тенью.

Он бежит к командиру.

«Товарищ капитан!»

«Что стряслось? Почему не по уставу?»

«Прошу прощения, товарищ капитан. У меня мать умерла, телеграмма пришла с запозданием... Сегодня похороны... Разрешите мне...»

«Ладно, Бобров. Ты у нас на хорошем счету. Выпишу тебе увольнительную».

Днём Бобров ловит попутку. Валит снег. Всеволод сидит в открытом кузове, пытается укрыться от снега и ветра.

К вечеру Всеволод приезжает в город. Он спрыгивает с кузова, садится на трамвай.

Идёт пешком уже в темноте. Ветер и снег.

Врывается в свой дом. Семья и несколько близких друзей сидят за столом. Все только что вернулись с кладбища.

Всеволод падает к ногам отца: «Папа, как же так?»

Отец: «Налейте ему рюмку...»

Всеволод: «Нет, я пойду на кладбище...»

В темноте он стоит у свежей могилы. Простенький крест с именем матери залеплен снегом. Всеволод опускается на колени и падает лицом на могилу: «Мама, прости, я не успел».

Июнь 1944. Москва.

Центральный Дом Красной Армии имени Фрунзе. Отдел спорта ЦДКА.

Кабинет генерала. Генерал встречается с командирами: «Товарищ полковник, мне доложили, что в Омске, в спортивной команде интендантского училища есть замечательный футболист... (заглядывает в бумаги) Некто Всеволод Бобров. Слыхали о таком?»

«Так точно, товарищ генерал. Приглядываемся».

«А что приглядываться? Вы же знаете приказ Реввоенсовета от 34-го года. Создавать в ЦДКА всеармейские сборные команды по важнейшим видам спорта. Я понимаю, что война и что вроде бы не до спортивных команд в армии сейчас. Но приказ никто не отменял, и обстановка изменилась. А футбольный матч в Сталинграде показал, что надо всерьёз братья за спорт... Народу нужна моральная опора, а спорт олицетворяет мирную жизнь. Спорт теперь – идеология. Так что ищите спортсменов по всей стране. Вызывайте в Москву лучших».

1944. Июль. Омск.

Ночь. Совместные патрули милиции и военной комендатуры ищут нарушителей паспортного режима и курсантов интендантского училища, ушедших в самоволку или не вернувшихся из увольнения к урочному часу.

Всеволод Бобров сидит на кровати в маленькой комнате. Рядом лежит девушка.

Бобров: «Мне пора. Рядом с тобой забыл про время».

Девушка: «Сева. Останься. Нарвёшься на патруль. Ты же знаешь, что ваших курсантов строго наказывают. Сам же говорил, что за самоволку отправляют на фронт».

Бобров целует её: «Я давно прошусь на фронт. Мне ли бояться патрулей? Я пойду, в училище ведь тоже проверка, а на „губу“ не хотелось бы, позорно это».

Улица. Бобров бежит от фонаря к фонарю. Впереди появляется патруль: «Стой!»

Кабинет председателя омского облисполкома. Леонид Кувик просматривает сводку ночных происшествий.

Спрашивает секретаря: «Этих всех на фронт?»

«Да. Нарушители комендантского часа, курсанты военного училища... Позволяют себе чёрт знает что... Распустились тут...»

Кувик смотрит на фамилию Боброва. Берёт красный карандаш и вычёркивает Боброва. Секретарь молчит, но в его взгляде вопрос.

Кувик: «Боброва оставим. Очень уж известен на футбольном поле. Любит его народ. Как объясним его исчезновение? Ну, загулял у бабы, что ж тут... Да и отца его пожалеть надо: недавно похоронил жену. Старший сын на фронте, вестей нет, теперь и младшего под пули?.. Проявим... как его... милосердие... тьфу, какое дурацкое слово... При чём тут милосердие? Просто нужен он здесь, на спортивном поле нужен, потому как нечем больше людей радовать, кроме как футболом... Будь проклята эта война...»

Интервью. Николай Эпштейн, тренер: «Спорт многих от гибели на фронте уберёт. А почему? Да потому, что была установка такая сверху: талантливых спортсменов на передовую не посылать! Примечательная, между прочим, установка. Говорит она о том, что, несмотря на все тяжести военных лет, особенно первого, самого губительного периода войны, руководство страны не теряло веру в победу и берегло лучшие спортивные кадры для послевоенного времени».

Омск. Интендантское училище. Бобров входит в кабинет майора.

Бобров: «Товарищ майор, по вашему приказанию курсант Бобров...»

Майор: «Тише, Бобров, что ты так шумно! (просматривает бумаги на столе) Вот интересуются тобой... Москва интересуется».

Бобров: «В каком смысле, товарищ майор?»

Майор: «Отправляешься в Главное политуправление Красной Армии».

Бобров: «Не понимаю, товарищ майор».

Майор: «А я и сам не понимаю, Бобров... Успеваемость у тебя на уровне, вдобавок спортсмен, нареканий нет, если не считать тот случай, когда ты к девчонкам бегал и был задержан во время комендантского часа. Но мы это дело замяли, про это никто ничего... Так что я не вижу причин для тревог... И всё-таки Главное политуправление... Видать, что-то серьёзное. Начальник училища приказал докладывать, что там у тебя. Как доберёшься до Москвы, сообщи. И дальше тоже... Ну и не посрами наше училище, если что... Не подкачай».

Бобров: «Не подкачаю, товарищ майор».

Майор: «Вот твои документы... Кстати, Бобров, помнишь тех проштафившихся курсантов, которых на Белорусский фронт отправили? Их наказали, а тебя не стали, потому что спортсмен...»

Бобров: «Так точно».

Майор: «Все погибли. Неудачно их десантировали, все как один погибли. Так что ты, считай, под счастливой звездой родился».

Бобров: «Все?.. Все погибли?»

Майор выразительно смотрит на Боброва: «Может, судьба бережёт тебя для чего-то? Какой-нибудь „спортивный бог“ оберегает? Хранит тебя для чего-то более важного?»

Бобров: «Что может быть важнее сегодня, чем разгром Гитлера?»

Майор: «Есть ещё и завтра, и жизнь после войны...»

Москва. Железнодорожный вокзал.

Яков Цигель встречает Всеволода Боброва.

«Бобров?»

«Так точно»

«Здравствуй, как добрался?»

«Хорошо».

«Едем с тобой в Отдел спорта ЦДКА».

«Но мне приказано явиться в Главное политуправление Красной Армии».

«Знаю... А знаешь ли ты, зачем тебя вызвали?»

«Никак нет».

«Про твои спортивные успехи многие наслышаны. Там, наверху... Понимаешь? Как ты в Сибири голы забиваешь».

«Это плохо?»

«Наоборот, Бобров. Тебя хотят направить в команду ЦДКА».

«Правда?»

«Правда, правда... А пока давай махнём сначала к нам».

«Куда „к нам“?»

«К генералу Василькевичу. Виктор Эдуардович хочет с тобой познакомиться лично».

«А он кто?»

«Помощник командующего ВВС Московского округа. Возглавляет авиационное училище».

«Понятно. Что ж, едем знакомиться».

Они едут в машине по улицам Москвы. Возле стадиона «Динамо» Бобров видит афишу о предстоящем на Центральном стадионе «Динамо» финальном матче на Кубок Советского Союза между ленинградским «Зенитом» и армейской командой Москвы.

Бобров: «Большой футбол! Ёлки-палки! Ну, доложу я вам, если уж на „Динамо“ опять футболы начались – значит, Гитлеру точный капут...»

Цигель: «О том и речь: спорт вселяет уверенность в народ».

Они входят в кабинет генерала Василькевича. Бобров вытягивается в струнку: «Здравия желаю, товарищ генерал».

Генерал: «Вольно, вольно. Так ты и есть тот самый Бобров?»

Бобров: «Тот самый или не тот, но я Бобров, товарищ генерал».

Генерал: «Давно хоккеем занимаешься?»

Бобров: «С детства, товарищ генерал».

Генерал: «Наслышаны мы о твоём мастерстве, о твоих победах. Все тут хотят заполучить тебя».

Бобров: «Вот уж не думал, что в столице про меня кто-то слышал. Неужто поэтому в Москву вызвали?»

Генерал: «Не поверишь, но именно поэтому... Значит так, Бобров. Предлагаю тебе играть в команде Авиаучилища. Если согласен, приказ я подпишу сегодня же».

Бобров: «Что тут обсуждать, товарищ генерал. Приказ есть приказ. Конечно, согласен».

Генерал: «Значит, быть по сему».

Генерал выходит из-за стола и протягивает Боброву руку для пожатия.

Бобров отвечает крепким рукопожатием: «Товарищ генерал, разрешите обратиться с просьбой».

Генерал: «Говори».

Бобров: «Мои беспокоятся... Ну, то есть училище моё, руководство... Они не знают, зачем меня в Москву дёрнули... Простите, вызвали... Могли бы вы сообщить начальнику училища, что я тут по спортивным делам, а не...»

Генерал: «Понимаю. Молодец, Бобров. Похвально, что так относишься к коллективу. Генералу Белову я позвоню лично. Поставлю в известность».

Бобров: «Спасибо, товарищ генерал. Разрешите идти?»

Стадион «Динамо». Футбольный матч между «Авиаучилищем» и «Динамо».

Команды выходят на поле, футболисты несут цветы и дарят их игрокам другой команды. Начинается игра. Счёт открывает динамовец Балясов.

В конце первого тайма Бобров забивает два гола в ворота динамовцев.

Диктор: «Особое внимание привлекает игра младшего техника-лейтенанта, нападающего Всеволода Боброва. Это, бесспорно, игрок с большим спортивным будущим, хотя ему ещё надо очень много над собой работать, ибо заметно его стремление во всём подражать Федотову»...

Омск. Несколько рабочих на заводе читают газету «Красный спорт»: «Встреча команды авиаучилища и клуба „Динамо“ закончилась победой авиаторов. Два гола забил Всеволод Бобров, новый игрок команды, и это, бесспорно, игрок с большим спортивным будущим!»

Кто-то хлопает в ладоши: «Это же наш Севка! Вот молодец! Слышали: игрок с большим спортивным будущим! Знай наших!»

Москва. Кабинет начальника Главного политуправления.

Генерал-лейтенант трясёт газетой: «И как это понимать, товарищи?»

Среди присутствующих сидит за столом генерал Василькевич.

Генерал-лейтенант продолжает: «Почему Бобров играет за Авиаучилище? Как это произошло? Откуда эта самостоятельность, товарищ Василькевич?»

«Виноват, товарищ генерал-лейтенант».

«Виноват? Вы что, мальчишка? Это вам не конфету со стола стянуть. Мы тут не шутки шутим, генерал Виктор Эдуардович! Откуда... Как вы вообще...? Боброва вызвали в Москву, чтобы он играл в команде ЦДКА. Для этого он здесь. Сейчас спорту уделяется такое внимание! ЦДКА – это главный клуб армии! Неужели не понимаете?»

Василькевич: «Товарищ генерал, у меня было несколько встреч с тренером команды ЦДКА товарищем Аркадьевым. Он не был уверен, что Бобров ему нужен. У него в роли центрального нападающего выступает Григорий Федотов, он ключевой игрок команды, можно сказать её душа и мозг. Представить Федотова на другом месте просто невозможно. Вот Аркадьев и сомневался, что делать с Бобровым? Не держать же его в резерве, на скамейке запасных. Он же талантливый бомбардир».

«Аркадьев сомневался, но это в прошлом. Теперь не сомневается. Он требует Боброва к себе».

Борис Аркадьев на футбольном поле. Размышляет, наблюдая за тренировкой футболистов ЦДКА. Рядом с ним помощник.

Аркадьев: «Быстрота – это решающий фактор футбольной игры. Но одна быстрота, без точности, не даст ещё желаемого результата».

Раздевалка клуба ЦДКА. Бобров знакомится с игроками команды ЦДКА.

«Что так припозднился? Сезон уж кончился».

Бобров: «Приказы не обсуждаются, а выполняются. Сказали играть за Авиаучилище, играл там. Велели к вам идти – я и пришёл. О причинах ничего не знаю, да и не интересуют они меня. Главное – играть...»

Входит тренер Аркадьев: «Всеволод? Здравствуй. Рад познакомиться с тобой лично... К футбольному сезону ты, правда, опоздал, но тренировки пока продолжаются...»

Бобров (улыбается): «Я готов приступить хоть сейчас, Борис Андреевич... (придвигается ближе, произносит тихо, доверительно) Неужели я буду с *ними* играть? Они же такие... знаменитые, могучие... Вон хотя бы Григорий Федотов – это ж имя! Герой футбола!»

Аркадьев: «Да, Всеволод, будешь с ними, будешь один из них... Кстати, ты уже устроился? Комнату тебе дали в гостинице?»

Бобров: «Да, Борис Андреевич, сегодня вселился».

Интервью. Александр Никитин, журналист: «В те годы все игроки ЦДКА жили в гостинице ЦДКА. Все в одном месте, друг у друга под боком. Это было удобно».

Тренировка. Команда бежит кросс. Мокрые, уставшие, недовольные.

На присыпанном снегом футбольном поле футболисты отрабатывают удары.

Бобров едет на трамвае, везёт в общежитие большую сетку с футбольными мячами.

Футбольное поле, тренировка. Игроки насквозь мокрые от пота. Никаноров на воротах. После тренировки все медленно бредут в раздевалку. Федотов останавливает Боброва: «Сева, давай-ка ещё побьём Никанорову». Бобров смотрит на уставших футболистов, на мокрого Никанорова, но соглашается – ведь сам Федотов просит.

Они идут к воротам. Начинают бить по мячу.

Аркадьев наблюдает с улыбкой. Бобров видит тренера. Аркадьев манит его пальцем. Бобров бежит к тренеру.

Аркадьев: «Всеволод, мне нравится твоя манера, твоя скорость, точность удара. Но не забывай давать пас. В пасе каждого игрока проявляется острота его игрового мышления... И мне нравится, что ты не торопишься уйти с тренировки побыстрее. Держись Федотова, он сейчас лучший, самый опытный и сильный».

Интервью. Павел Коротков, тренер ЦДКА: «Бобров был хоккеистом в сорок четвёртом году. Его позвали в Москву играть в хоккей... А когда сезон хоккея закончился, команда ЦДКА уехала в Сухуми в марте сорок пятого на футбольный сбор. Всю зиму армейцы жили в гостинице Центрального Дома Красной Армии. Боброва отправили в Сухуми только по чисто финансовым соображениям: если он оставался на сорок дней один в гостинице ЦДКА, это было просто невыгодно. Кроме того, в команде банально не хватало игроков, поэтому Аркадьев решил взять с собой Боброва... Непроверенного в футболе новичка Боброва».

Интервью. Александр Никитин: «Но это же глупость. Боброва вызвали в Москву приказом Главного политуправления, чтобы он играл в футбол. Он был известен как футболист. Другое дело, что в команде ЦДКА он не успел проявить себя в футболе, потому что его сманили в команду ВВС, и он пришёл в ЦДКА уже после футбольного сезона, потому на начальном этапе успел показать себя только в хоккее. Тренировались они зимой на катке, который заливали на месте теннисных кортов. И когда он в первой же игре стал обводить противников одного за другим, все ахнули. Лёгкость его движений поражала. Он запросто перебрасывал клюшку из одной руки в другую, и никто не мог справиться с ним».

Интервью. Борис Аркадьев: «Не понимаю, кто пустил эти грязные слухи... Грязные... Я увидел Боброва на первой тренировке хоккейной команды, и он меня поразил... Этот новичок, попав в компанию чемпионов страны, держался уверенно и спокойно. Я сразу понял, что это настоящий мастер, волею божьей талант... А в те времена хороший хоккеист непременно был и хорошим футболистом. Это позже началось жёсткое деление на хоккей и футбол, а в те годы хоккеисты и футболисты варились в общем котле. То была уникальная эпоха, неповторимая...»

Зима. Лёд. Игра в хоккей с мячом.

Из репродуктора слышен стальной голос диктора, сообщающий о продвижении советских войск в глубь Германии.

Капитан Владимир Бобров стоит вместе с боевыми товарищами на фоне грязно кирпичной стены. Перед ними стоит фотограф. Грудь Владимира Боброва покрыта боевыми наградами: орден 1-й и 2-й степени Отечественной войны, два ордена Красной Звезды, медаль «За отвагу», две медали «За боевые заслуги».

Всеволод разглядывает эту фотографию.

Штаб дивизии. Полковник склонился над картой. За грязным окном стелется чёрный дым. Слышна артиллерийская канонада. Входит Владимир Бобров: «Товарищ полковник, разрешите?»

Полковник: «Входи, Бобров, давно жду тебя».

Бобров: «Виноват, товарищ полковник».

Полковник: «Как там, разделался ты с этой высотой?»

Бобров: «Так точно. Немцы отступили».

Полковник: «Вот что, Бобров, передай командование капитану Волкову, а сам пакуй вещмешок. Отправляешься в Москву».

Бобров: «Не понял, товарищ полковник. С какой целью?»

Полковник: «Едешь получать новое вооружение для дивизии... Счастливчик... В Москве у тебя будет три дня. Постарайся использовать эту командировку как подарок для семьи».

Бобров: «В каком смысле?»

Полковник: «Мне доложили, что твой отец переведён в столицу по приказу Наркомата вооружения. Вот я и решил, что в эту командировку лучше отправить тебя... Надеюсь, ты успеешь... найдёшь семью».

Натянута простыня. Светит луч кинопроектора. Солдаты смотрят фильм «В шесть часов вечера после войны». Заключительная сцена, салют победы.

Солдаты громко кричат «ура», обнимаются.

Кто-то говорит с восторженным недоумением: «Как же такое может быть? Мы ж ещё не добились фрицев, а тут такое?! Значит уже победа? Теперь мне и помереть не страшно, раз нашу победу видел»...

Новый год 1944/1945

Москва.

Семья Бобровых в сборе: отец, Всеволод, Антонина, Владимир, Борис.

Всеволод обнимает Владимира.

«Вовка, дорогой мой, любимый мой...»

Интервью. Александр Никитин: «После снятия блокады Ленинграда в семью Бобровых приехал Боря, племянник Лидии Дмитриевны. Его родители погибли в блокаде, он чудом выжил. Михаил Андреевич усыновил Борю. Владимир и Всеволод относились к Боре как к родному младшему брату».

Сидят за столом

Владимир: «Давайте сначала помянем маму. Она была душой нашей семьи».

Все сдвигают гранёные стаканы.

Здесь должна звучать музыка. Сначала грустная, а потом, когда все оживают, отогреваются в уютной семейной обстановке, от которой все отвыкли, музыка должна стать радостно-лирической.

Все оживлённо говорят, но зритель не слышит слов. Только лица: удивление, радость, любовь, воодушевление.

Владимир: «А теперь давайте за победу».

Они ещё раз сдвигают стаканы.

Владимир: «Смотрели фильм „В шесть часов вечера после войны“? Кто-то из моих артиллеристов сказал, что ему теперь можно спокойно погибнуть, потому что он победу нашу видел. Вы представляете, какая это силища – кинематограф? Что угодно можно дать людям. Любую веру вселить в них... И ты, Сева, должен в спорте своём тоже дарить людям радость и счастье».

3 апреля 1945

Колонна машин. Владимир Бобров едет в ЗИСе, сидит рядом с водителем.

Слева и справа раздаются взрывы, земля летит комьями, стелется дым. Взрыв под правым колесом, почти под сиденьем Владимира Боброва. Капитана Боброва выбрасывает на обочину.

Хирургическая палатка.

«Ампутировать! Не вижу другого выхода».

Владимир слышит это сквозь туман. Да него эхом доносится слово «ампутировать», оно повторяется и повторяется...

Медсанбат.

Владимир Бобров на койке. Открывает глаза. Поднимает голову и осматривает себя.

Медсестра: «Что, капитан, не верите своему счастью?»

Бобров: «Я же слышал... Они собирались отрезать...»

Медсестра: «Вам повезло. Наш новый доктор отстоял вашу ногу. Вы даже не представляете, какой он человек. Настоящий подарок судьбы. Скоро сможете плясать. Это чудо...»

Май 1945. Берлин. Кинохроника, водружение знамени на Рейхстаге.

Москва. Толпы ликующих людей на улицах. Красная площадь. Салют.

Всеволод Бобров радостно обнимается с незнакомыми людьми.

19 мая 1945, Черкизово. ЦДКА играет против «Локомотива».

Эпштейн играет за «Локомотив», стоит в полузащите, старается сдерживать Петра Щербатенко.

Минут за 20 минут до конца матча тренер ЦДКА Михаил Аркадьев заменяет Щербатенко Бобровым. Болельщики спрашивают друг друга: «Кто это? Кого Аркадьев вывел на поле?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.